

“Демон! Забери его жизнь!”. Человек в маске выскочил из травы с большим ножом, который сверкал холодным светом, и свирепый ветер прорезал ветви, преграждающие дорогу. Десятки людей в масках бросились к нему, их алые глаза были полны убийственного намерения.

“Отлично!”. После того, как Чжоу Юньшэн несколько недель притворялся раненым, ему показалось, что его кости почти заржавели. Это был шанс попрактиковаться. Его секта была уничтожена, а убийцы деревни Биюнь и мемьи Му были ценными членами общества. Как и на горе Юцзянь, они отказывались щадить старых или слабых, женщин или детей секты. Сколько детей, выучивших свои первые слова, и младенцев в пеленках погибло под их ножами? Чжоу Юньшэн не осмеливался даже пытаться понять это. Это было его преступление.

Человек в маске предположил, что дьявол был отравлен и потерял свои боевые способности. Поймав его одного, он мог бы позаботиться об этом. Но он был потрясен, обнаружив, что тот вообще не выказывает никаких признаков слабости. Напротив, он был невообразимо силен.

Единственным движением было легкое движение его рукава, и порыв ветра от его мантии опрокинул тех, кто был на передовой. Когда лидер приземлился на землю, из него выбило дух, и он неподвижно лежал там, где приземлился. Человек в маске, более поздняя жертва, пришел в ужас, но отступить было слишком поздно. Он увидел, как пять пальцев Демона превратились в когти, прежде чем он сделал энергичный вдох. Он притянул первого человека своей духовной силой и вытащил его сердце. После того как сердце отделилось от тела, оно забилося, как барабан, и сморщилось. Оно было раздавлено в массу развалившейся плоти, и красная кровь брызнула на его бледную кожу, шокирующее зрелище.

Его брови приподнялись, губы изогнулись, и злобная жестокость на его лице была очевидна.

Цзы Сюань был с другой стороны. Он не был ни убийцей, ни демоном, который убивал людей без пощады. Он был всего лишь бедным человеком, попавшим в ловушку любви. Оглядевшись открывшуюся перед ними сцену, люди в масках почувствовали, как холод пробежал по их ногам до головы. Их конечности онемели, а кровь застыла.

“Ты когда-нибудь думал о последствиях того, что довел меня до отчаяния, когда начал это? Ты хочешь, чтобы я отправился в ад? Вместо этого я дам личный опыт “Чистилища на Земле!””. Чжоу Юньшэн отбросил раздавленное сердце и злобно рассмеялся.

Люди в масках поняли, какого злого зверя они преследуют. Если его предыдущие действия были жестокими, то эти последние можно было охарактеризовать только как “ужасные”.

Не было необходимости ходить взад и вперед в бою, так как в мгновение ока демон проник в их конечности зловещим холодом своего настоящего дыхания, и они все рухнули на землю. Чжоу Юньшэн не собирался их отпускать, поэтому он побродил по кроваво-желтым листьям, наклонился, выковырял сердца одно за другим, вытащил их вместе с желудком и кишками и разрывал на куски.

Его руки были в крови, а глаза покраснели, больше от жажды крови, чем от ситуации. Он сгорел в ненависти и ярости, превратив его из человека в демона.

Рао был убийцей в маске, сражавшимся в море огня. Он был напуган до смерти и испачкался, когда взывал о пощаде.

Чжоу Юньшэн слушал, но не повинился. Его пять пальцев вцепились в сердце мужчины, и веки Чжоу Юньшэна опустились. Ему нравилось слушать, как рвется мясо и капает кровь.

Волки прибыли, следуя за сильным запахом, и обнаружили человека, стоящего в куче трупов. Они склонились и поклялись ему в повиновении. Звери часто обладают более острой интуицией, чем люди, зная, кого они могут спровоцировать, а кого не могут тронуть.

“Иди поешь, дорогой мальчик”. Чжоу Юньшэн поднял указательный палец, и серый волк, шедший впереди, шаг за шагом приближался. Он два раза завыл, а затем потащил обезглавленный труп в волчью стаю на обед.

Если бы здесь присутствовал кто-то другой, они были бы напуганы треском костей, пережевываемых одна за другой. Чжоу Юньшэн, однако, казался спокойным. Он поднял мешок с водой монаха и вылил воду себе на ладонь, чтобы смыть липкую кровь и кусочки мяса.

“Ты ранен?”. Цзы Сюань услышал вой волков и испугался, что с благодетелем что-то случилось. Он направил свою духовную силу назад и обнаружил следы, оставленные людьми в масках, и его сердце наполнилось тревогой.

Открытое пространство, где они отдыхали, превратилось в море трупов с реками крови. Несколько толстых кишок свисали с ветвей, капала кровь, кап-кап. Он закрыл на это глаза и увидел окровавленную одежду и лицо мужчины. Цзы Сюань забыл обо всем и мог думать только о том, не пострадал ли Чжоу Юньшэн.

Спина Чжоу Юньшэна на мгновение напряглась, прежде чем он отбросил свою окровавленную одежду, испачканную кровавыми отпечатками ладоней. Он посмотрел на монаха: “Я не ранен. На самом деле я чувствую себя счастливым”. Его рот расплылся в злобной улыбке.

Только тогда Цзы Сюань понял, что он стоял без опоры и что на его белоснежной одежде не было никаких порезов.

Другими словами, он был невредим, и кровь была от других людей.

Напряженное сердце Цзы Сюаня расслабилось, и он посмотрел вниз. Он обнаружил, что стоит в луже крови глубиной в полфута (15 см). Его белые тканевые туфли были выкрашены в красный цвет.

Лужи крови, обрубки, головы, кости и голодные волки... Когда он уходил, это было тихое и спокойное место. Но когда он вернулся, это стало человеческим чистилищем, и было очевидно, кто был преступником.

Цзы Сюань поднял голову и сказал: “Ты убил всех этих людей?”.

“Ты это понял только сейчас? Твоя реакция медленная”. Чжоу Юньшэн равнодушно ответил, сел у огня и потыкал ветками в обгоревшее дерево.

Цзы Сюань пристально посмотрел на него, затем наклонился, чтобы осмотреть труп. Из кучи плоти и крови он нашел Скипетр Сюаньти. На нем было написано “Гунгсунь”. Они были сыновьями и дочерьми семьи Гунгсунь, которая была уничтожена несколько дней назад. Они выследили Чжоу Юньшэна, чтобы отомстить.

Цзы Сюань положил Скипетр Сюаньти на ладонь, чтобы прочитать отрывок. С наступлением сумерек до полуночи Цзы Сюань медленно шел к человеку, который дремал у костра. У него было мрачное выражение лица.

“Твоя рана зажила, и яд прошел?”. Это вопрос, но в то же время и утверждение. Он понял, что

его использовали, и он хорошо заботился о нем все эти дни. Все, что он делал, было шуткой.

“Да”. Разоблаченный, Чжоу Юньшэн и не думал это отрицать. Он хотел посмотреть, как монах отнесется к нему.

“Все эти люди - потомки семьи Гонсунь. Они хотели отомстить. Поскольку ты не убивал их с самого начала, почему бы не объяснить им все вместо того, чтобы проливать еще больше крови? Разве ты не боишься попасть в Ад после смерти, и пережить сожжение девяти кругов? Благодетель Юй, ты совершил ошибку...”. Грудь Цзы Сюаня наполнилась гневом, но его лицо было спокойным и холодным.

Он спас этого человека, и грехи Чжоу Юньшэна стали грехами Цзы Сюаня. Как он мог вернуться к дверям своего учителя?

Но если нападавшие на него были убийцами из деревни Биюнь и семьи Му, то где же сыновья семьи Гонсунь?

Чжань Чэньян был настолько внимателен, что никогда не забывал подбрасывать украденные вещи и причинять несчастья другим, даже в случае убийства. Чжоу Юньшэн не собирался объяснять это и усмехнулся: “Где я допустил ошибку? Поверят ли они мне, если я скажу им, что убийства не были делом рук моей Святой Секты? Я не убивал их людей, но они убили моих, даже маленьких детей. Кого я должен найти, чтобы вернуть этот кровавый долг?”.

“Когда будут погашены обиды?”. - Он посмотрел на него темными глазами.

“Когда ты умираешь, ты умираешь”.

Чжоу Юньшэн поднял мешок с водой и, подняв голову, сделал большой глоток. Он вытер рукавом воду с губ и открыл рот: “Пока моя ненависть к Улиню Центральных равнин не уляжется, я не могу умереть. Если я выживу, у меня будет кровавое будущее. Означает ли это, что люди на Центральных равнинах должны жить, а выжившие - нет? Они все мертвы, и другие будут выслеживать меня, чтобы отомстить, но я должен отступить и сдаться? Есть ли такая истина в мире? Как ты можешь убивать и говорить, что ты достаточно квалифицирован, чтобы читать мне лекции об убийстве? Насколько я знаю, у тебя тоже руки в крови”.

Проезжая через многие города и поселки, Чжоу Юньшэн уделял пристальное внимание рассказам о монахах и узнавал истории и статус Цзы Сюаня в Улине на Центральных равнинах.

“Когда ты убиваешь людей, ты демонизируешь их под предлогом "жертвоприношения ради общего блага". Чувствуешь ли ты, что не творишь зло, а накапливаешь заслуги? В мире нет дьявола, кроме человека со злыми намерениями. Не те, кто убивает других, а те, кто придумывает оправдания, чтобы обмануть самих себя. Неужели все люди, которые умирают от твоих рук, полны зла? Ты осмеливаешься искать свою совесть и говорить мне, что ты никогда не поступал неправильно? Разве на этот раз ты пришел не для того, чтобы убить меня?”. Чжоу Юньшэн иронично рассмеялся.

“На самом деле, все люди в Центральных равнинах лицемеры, даже вы, добродетельные монахи. В твоих руках бесчисленное множество жизней, среди которых много несправедливых душ. В то же время ты говоришь мне о сострадании, которое так лелеешь. Я смеюсь сквозь зубы!” .

Всякий раз, когда в Улине происходили беспорядки, храм Шаолинь всегда первым выходил на улицу, чтобы охранять дорогу.

Но эти так называемые демоны были всего лишь продуктом неравномерного распределения интересов. Если бы один человек был доминирующим, а толпа была слабой, то он, естественно, стал бы головой демона во рту у всех, и ненависть было бы нелегко рассеять.

Мир был полон процветания. Каждый день был полон процветания, а реки и озера такие, какие они есть. Сколько людей убивали за справедливость? Под каждой достойной маской скрывались жадные лица.

Чжоу Юньшэн не был предубежден против народа Центральных равнин, но после трагической гибели его секты ненависть к Улиню Центральных равнин заставила его бесконечно сопротивляться советам монаха.

“Когда придет время отплатить друг другу за обиды, тебе следует поговорить с теми людьми на Центральных равнинах, чтобы посмотреть, кто будет повиняться. Как ты думаешь, как были убиты мои люди?”. Он встал и направился к ручью, чтобы смыть кровь.

Цзы Сюань получил ортодоксальное буддийское образование с раннего возраста. Он не мог согласиться со словами Чжоу Юньшэна, но не мог сказать, что в них было не так. Когда он вспомнил свою жизнь, он понял, что тоже отнял много жизней, и пошел под откос только для того, чтобы уйти от самого себя.

Сердце болело, мозг не мог думать, и Цзы Сюань чувствовал, что он больше не может общаться с Чжоу Юньшэном, иначе даже его мысли будут испорчены. Когда он убедился, что Чжоу Юньшэн не ранен, Цзы Сюань был благодарен ему за то, что тот выздоровел.

Цзы Сюань также был благодарен Чжоу Юньшэну за то, что он убил этих людей вместо того, чтобы быть убитым.

Он не должен был быть таким безжалостным, справедливо или нет, но он поверг все в хаос.

“Благодетель Юй, поскольку ты выздоровел, этот бедный монах должен уйти”. Глаза Цзы Сюаня были опущены, а руки сложены.

Чжоу Юньшэн развернулся, уставился на него налитыми кровью глазами и спросил: “Что ты сказал?”.

Цзы Сюань почувствовал себя немного робко. Ему потребовалось много времени, чтобы пошевелить губами: “Боевые искусства благодетеля Юя намного превосходят боевые искусства этого бедного монаха, так что ты не нуждаешься в моей заботе”.

Он не мог повторить прощальные слова.

“Ты мне нужен”. Чжоу Юньшэн говорил слово за словом. “Останься. Тебе нельзя уходить!”.

Чжоу Юньшэн был таким жестким, но в его глазах была мягкая и нежная привязанность, от которой сердце Цзы Сюаня забилось быстрее.

Но именно из-за этого сердцебиения он все больше и больше решался оставить этого человека в своих мыслях. Он был дьяволом, духом, который уже поглотил половину души Цзы Сюаня. Он должен был сохранить последнюю половину, иначе он будет погружен в страну вечного разрушения.

“Все праздники мира придут к концу. Пожалуйста, береги себя, благодетель Юй”. Он сделал

два шага назад и прочитал буддийскую сутру. Затем он взял свою сумку и ушел.

Чжоу Юньшэн задумчиво последовал за ним, но остановился, прыгнув на верхушки деревьев. Он тупо уставился на маленькое белое пятнышко, исчезавшее вдали.

Чжоу Юньшэн мог бы прижать его к себе, но сильно скрученная дыня не сладкая, так что это ничего бы не значило. Чжоу Юньшэн не только хотел, чтобы Цзы Сюань вернулся по собственному желанию, но и хотел убедиться, что с этого момента они будут неразлучны.

Цзы Сюань, подожди меня! Он что-то промычал и направился к ручью.

Когда Цзы Сюань услышал шаги Чжоу Юньшэна, он подумал, что ему придется бороться с ним, чтобы уйти. Он не ожидал, что тот остановится.

Когда он уже собирался скрыться из виду, он не мог не оглянуться и увидел, что Чжоу Юньшэн, не колеблясь, развернулся и полетел в противоположном направлении.

Если он не нуждался в заботе других, то почему так старался сохранить ее и все же так легко отпустил?

<http://bllate.org/book/14189/1250601>